

Перевод Виталия Науменко

* * *

Дома.

Летний синеет вечер.

Льётся ветер из рукава.

И далёких любимых плечи...

Дочки травушкины слова...

Дремлет аист на крыше нашей.

Конь умчался, как время, влёт.

И луна без ночной рубашки

Вдоль закатной зари растёт.

А на кладбище в цвете ивы,

Тишина и покой везде.

Мы давно умереть могли бы,

Только как бы разведать, где.

А вчера журавли кричали,

В небе, может, или во сне.

Я от нежности и печали

Задыхаюсь, как в косах снег.

Ветер.

Флейта.

Гнездо и зори.
И тревога.
И трепет.
Соль.

Дома.
Юность.
И нету горя.

Скоро осень —
Накрытый стол.

* * *

Дождалась печаль.
Стужа. Слово в бреду,
Голоса, голоса, голоса истории...
По столице Руси через дождь
бреду
К той планете, моя которая...

Чёрный плащ будет биться
Во мгле золотой.
Голова — из-под града
выскользни.
Для моей слезы — для смешной
такой
Нету слов, чтоб в журналы мне
выслать их.

Закипело всё.
Отмирает плоть.
Подмигнула святыня разменно.
И морщиной на лбу
Обласкал Господь
Недевчачью мою измену.

Ветер ломит стебель,
Когда течёт
По нему то ли кровь
прапрадеда,
То ли соль.
Украине моей почёт.
Разум тешит и душу радует.

Перерезано горло
Имперских кур,
Всей бумажной кондовой
братии.

Перекур объявляется, перекур!
Только чудится: не убрать её.

В этот год и дождь неуютно
мне...
Как со мной, вероятно,
ближнему.
Утоплюсь, а может быть, на
струне

Вознесусь поближе к
Всевышнему.

Землю грызть научусь.
Изучу язык трав.
Древо долларовое вырастив.
Промолчу в ответ Космосу:
«Ты не прав».
За широты его всё навек
простив.

САМОПАРОДИЯ

Осень такая, словно
Рукописи горят.
Жизни собачьей ровно
Лет уже пять подряд.

Вот и звезда, обрушена,
Вновь прилетела, зла.
И облетела груша,
Что в первый раз цвела.

Бомж божества светлее,
Всё при себе своё.
Летом и день длиннее,
Идея — к чёрту её.

Пришла и мне пора отбросить
крылья,
Спасая душу при монастырях?
Они же золочённые, как осени,
Что с яблоками белыми в ветвях.
Стояли старцы, выйдя с поля
с косами.
Гадаю я на птицах и ручьях.
Просты слова берёзовой той
музыки,
Сокрестья дедовских
противоречий,
С душой просторной застегнули
узника
И голову ему срубили с плеч.
А в тридцать лет и жизнь уже
как правило,
Скрипит прозрачный перечень
улик.
Приходит снова то, что мы
оставили,
Чутьём плодов переживая миг.
Здесь всё уравновешено
обрывами.
Я всё люблю.
Ни для кого не новость.
Ночные кони с золотыми
гривами
Несут туда, где я уже не гость.
Там, где цвета, и ладанки,
и страсти,
И песнь дрозда, след крови на
стебле...
Не всё равно ли, под какую
властью
Уйти навек мне в землю на
Земле?..

* * *

Трава такая — словно думает о
снеге.
Струна такая — словно думает о
стрелах.
Я волосы твои ласкаю, как во
сне.
Проста вода
В могилах пустотелых.
А ты прекрасна, словно бы
весна,
С тобою думать и грешить так
сладко...
И хорошо, и так смертельно
нам.
Мы для себя спасенье и загадка.
Мы одиноки.
Одиноко всё.
Одни мы, потому что всё едино.
Из наших рук ночь Леты холод
пьёт
И топит взгляд в цветении
калины.
Осенний цвет в зеницах
журавлей.
И мы, и мы — расхристаны,
не вечны.
Не нужно слов...
Да, слов не нужно с ней!
Мудры тут звёзды так
и человечны.
Тиха здесь радость мёртвых
и живых,
Грохочет время порохом,
шампанским.
А плач сосны и звёздных
позывных,
Как боль неизлечимая по-пански.

Я тоже так любим тобой и твой,
Цыганской степью вышитой
крещён я.

Мы молимся,
В траве теряясь той,
И ты во мне скрываешься
бессонно.

В мой стих поверь.
Мой стих — любимый зверь.
Он любит ласку.
Он — мой Днепр и кручи.
И даже на бумаге он теперь
Сожжённным — остаётся не
приручен.

В судьбе моей танцуй же и
звени
Кудрями, девочка! Я выбирать
не стану.
Да, обвиняй меня, захочешь —
обмани.
Пои святой водою и обманом.

